

Никифоров А.А.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ¹

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является влияние социальных сетей в Интернет на возникновение, динамику и особенности процесса протестной мобилизации. Объектом исследования выступает протестная мобилизация широких групп населения в ходе революционных процессов и масштабных антиправительственных кампаний. Автор подробно рассматривает возможности политической мобилизации через социальные сети в России на основе проведенного исследования поведения пользователей популярной российской социальной сети ВКонтакте. Особое внимание автор уделяет проблеме появления спонтанных массовых протестов, а также их современной динамике в политологическом контексте событий «арабской весны» и выступлений движения Оссигу. Эмпирическая часть исследования проведена с использованием методов дескриптивного и статистического анализа медиаповедения пользователей популярной российской социальной сети ВКонтакте. Теоретический анализ опирается на результаты современных исследований в области изучения медиакommunikации, социальных движений и конфликтной политики. Основными выводами данного исследования являются, во-первых, констатация ограниченного потенциала влияния социальной сети ВКонтакте на вовлечение молодежной аудитории в массовый протест в России, во-вторых, общая дополняющая роль социальных сетей в процессе протестной мобилизации в условиях типичных политических конфликтов. С другой стороны, проведенный анализ позволяет обосновать возможность качественного влияния социальных сетей на динамику массовых протестов в случае возникновения исключительных событий трансгрессивного для общественного сознания характера, где в краткосрочной перспективе инструменты «новых медиа» способны быстро синхронизировать локальные требования, изменить их масштаб, вовлечь широкие общественные группы в протестную повестку и культуру общественного сопротивления. Новизна проведенного исследования заключается в опровержении тезиса о исключительно высоком влиянии социальных сетей на формирование массовых протестов и идейно-политических представлений у молодежи. С другой стороны, результаты анализа позволяют определить перспективные направления исследований причин и динамических характеристик массовых протестов.

Abstract: The subject of this research is the effect of Internet-based social networks upon the emergence, dynamics, and specificity of the process of protest mobilization. The object of this research is the mass mobilization during the course of revolutionary processes and massive antigovernment campaigns. The author examines the possibilities of political mobilization through the social networks in Russia based on the conducted research of user behavior of the popular Russian social network VK. A special attention is given to the problem of spontaneous occurrences of mass protests, as well as the modern dynamics of the events of “Arab Spring” and appearance of the “Occupy” movement within the context of political science. The empirical part of the research is conducting using the descriptive method and statistical analysis of media behavior of the VK users. The theoretical analysis relies on the results of modern research in the field of media and communication studies, social movements, and conflict politics. The main conclusions of this research is firstly, affirmation of limited influence of the social network VK upon involvement of the youth into a mass protest in Russia; secondly, the general supplemental role of the social networks into the process of protest mobilization in the cases of typical political conflicts. On the other hand, the conducted analysis allows us to substantiate the possibility of a quality influence of social networks upon the dynamics of mass protests in the case of emergence of exceptional events that are transgressive for public consciousness, where the “new media” instruments are able to rapidly synchronize local demands, change their scale, and involve broad social groups into the message of protest and the culture of social opposition. The novelty of this research consists in refutation of the thesis of exceptionally high influence of social networks onto the forming of mass protest the ideal-political perceptions within youth. Alternatively, the results of this analysis allow defining the future directions of research on the causes and dynamic characteristics of the mass protests.

Ключевые слова: Протест, мобилизация, информация, социальные сети, ВКонтакте, молодежь, социальные движения, конфликтная политика, арабская весна, революция.

Keywords: Protest, mobilization, information, social networks, VK, youth, social movements, conflict politics, Arab Spring, revolution.

Социальные инновации в полной мере могут быть продемонстрированы в эффекте, создаваемом социальными сетями глобального Интернета. «Новые медиа» через сервисы Twitter, Facebook, Youtube и ряд других демонстрируют очевидное изменение в способах коммуникации, когда возможности межличностного обмена

информацией растут в качественном измерении через создание информационного потока из множества публикуемых в сети сообщений. Особенности информационного общества, сформулированные теорией сетевого общества М. Кастельса, концепцией «текущей современности» З. Баумана и подходах многих других социологов, философов и культурологов, в случае социальных сетей проявляются и в изменении общественной и политической активности.

События «арабской весны» поставили вопрос о политическом значении социальных сетей, их возможности обеспечивать пространство формирования политической

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР СПбГУ «Социальные сети как фактор политической мобилизации молодежи в современной России», шифр ИАС 28.38.97.2012

повестки, пространства общего дискурса протеста [8]. С одной стороны, роль современных средств коммуникации и сети Интернет оказалась под пристальным вниманием исследователей еще в конце 20 века после восстания сапатистов в Мексике в 1994 году [13; 23] и последующего роста киберактивизма среди участников новых социальных движений и локальных акций протеста. Г. Рейнгольд отмечает общую для многих футурологов и исследователей мысль о влиянии сетевых технологий на социальное действие: «[О]дно и то же объединение общественных сетей, усовершенствованных технологий связи и децентрализованной организационной структурой предстает действенной силой в самых различных политических столкновениях...» [7, с. 231]. Современные исследования демонстрируют влияние «новых медиа» на публичную политику и электоральный процесс [14, 4, 5], трансформацию социальных движений [11; 16], политическую культуру и идентичность [20].

С другой стороны, протестная волна глобальной инициативы движения Оссуру, политические революции в Тунисе и Египте, а также выступления в других арабских странах вновь поставили вопрос политическом эффекте информационных технологий социальных сетей, игравших заметную роль в мобилизации участников. При исследовании акций движения Оссуру Д. Юрис отмечает, что прежняя логика сетевого взаимодействия участников движения глобального равноправия, основанная на новых социальных и культурных принципах (создание горизонтальных связей между различными организационными элементами; свободное обращение информации; децентрализованное и открытое принятие решений; самообразующийся характер сети) трансформировалась в логику агрегирования, при которой взаимодействия с социальными медиа позволяют сформировать поток виртуальной информации и вслед за этим привлечь большое число лиц в конкретные физические пространства [15, с. 266].

В это смысле мы видим своеобразную диалектику перехода коммуницирующего в виртуальной среде номинального множества в разворачивающееся в физическом пространстве (аналог качественной характеристики) действие. Связанный с использованием информационных технологий протест имеет соответствующее идейно-политическое измерение, отчасти отмеченное ранее. На уровне оценки роли «новых медиа» в недавних политических революциях в Тунисе и Египте можно обнаружить следование одному из известных метанарративов революций, описанных в концепции развития глобальных революционных идеологий Н. Паркера [6], как прогресса и освобождения, равно как и присутствие другого, связанного с внутренним оппонированием глобальному американоцентричному доминированию капитала, в случае движения Оссуру. Высокая гуманитарная оценка роли реализации в пространстве власти эффектов коллективной коммуникации может быть найдена в современной политической теории делиберативных практик управления Ю. Хабермаса, а в случае пространственного измерения – у А. Лефевра в его принципе самоуправления (autogestion) как соединения коллективного знания и управления для живущих и работающих в общих локациях людей. Здесь стоит отметить, что формально схожая этическая оценка новых технологий в высокой степени присуща экспертам и руководителям многих IT-компаний, представителям соответствующего профессионального сообщества, а также и ныне многим носителям популярной культуры.

В этом отношении характерно, что после событий политической революции на Украине 2004 года (так называемая «оранжевая революция») в России сформировался охранительный политический дискурс, опирающийся на противоположный метанарратив революций как социальной девиации и патологии, характерный для политической философии консерватизма. Подобные события на постсоветском пространстве во многом получили обоснование через концепцию «внешнего фактора» и «манипуляции толпой» со стороны ряда отечественных исследователей (С. Кара-Мурза, Г. Почепцов, Н. Нарочницкой и др.). Неудивительно, что события «арабской весны» и не закончившийся пока на Украине революционный процесс привели к очередному витку проблематизации представителями российской политической власти новых технологий коммуникации в терминах дискурса «угрозы национальной безопасности», а ряд российских исследователей обратили внимание на манипулятивную роль социальных сетей в процессах протестной мобилизации и распространения экстремизма, особенно среди молодежи.

Цель настоящей статьи состоит в определении действительных возможностей и ограничений социальных сетей в обеспечении процесса протестной мобилизации. Для этого, во-первых, было проведено сравнительное исследование русскоязычной аудитории пользователей наиболее популярной социальной сети *ВКонтакте* на предмет распространения политической информации различными группами пользователей. Во-вторых, результаты анализа были рассмотрены в контексте исследований современных практик массовой протестной мобилизации (движения Оссуру, событий «арабской весны») для концептуализации взаимосвязи между протестной мобилизацией и влиянием социальных сетей.

Для проведения сравнительного исследования были проанализированы две аудитории пользователей социальной сети *ВКонтакте* [1]: 1) заинтересованная в создании и распространении политической информации (политизированная группа) и 2) незаинтересованная в создании и распространении подобной информации (обычная группа). Для оценки сетевого поведения пользователей каждой аудитории была проанализирована соответствующая группа пользователей из 150 человек, сформированная по критерию наличия подписки на оппозиционное политическое сообщество в социальной сети или отсутствия таковой. Отбор в группу производился случайным образом из общей совокупности участников аудитории политического и неполитического сообщества в социальной сети. При этом была обеспечена оценка релевантности аккаунтов реальным пользователям для обеспечения высокой валидности данных.

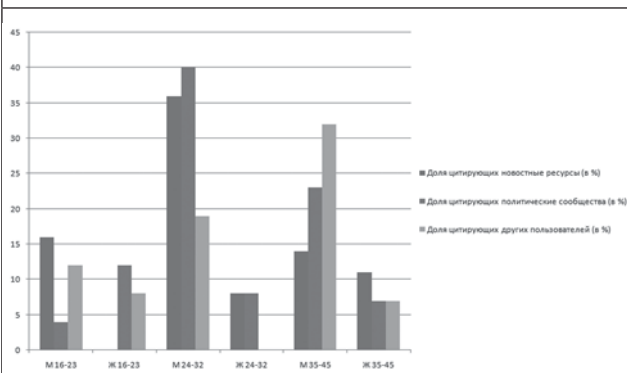
Выборка в каждом случае имела половозрастные параметры, взятые с учетом характера аудитории социальной сети и ее возрастных границ: 16-23, 24-32, 35-45 лет. Оценка сетевого поведения пользователей проводилась по размещенным на их страницах записям политического или общественного характера (для каждой группы учитывалось равное число опубликованных пользователем записей), формату их подачи и источникам. Ограничения, накладываемые на интерпретацию полученного результата, связаны, во-первых, с небольшим числом пользователей в оцениваемой совокупности, во-вторых, с принадлежностью оцениваемых аудиторий одной социальной сети, в-третьих, с возможностью неполного соответствия подписчиков сообществ социальной сети пара-

Общественные коммуникации

метрам каждой из обозначенной аудитории. Представленная в виде графиков и таблиц статистика учитывает данные пользователей, которые хотя бы один раз опубликовали на своей странице материал политического или общезначимого общественного характера, что соответствует минимальному интересу к подобной информации.

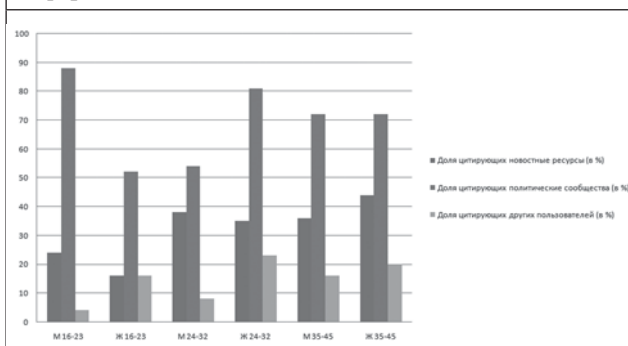
В Графиках 1 и 2 приведены диаграммы долей источников распространяемой в социальной сети информации различными группами пользователей.

График 1. Доли обычной аудитории социальной сети по источникам распространяемой информации

Источник: *ВКонтакте* [1] и подсчеты автора.

График 2. Доли политизированной аудитории социальной сети по источникам распространяемой информации

Источник: *ВКонтакте* [1] и подсчеты автора.

Приведенные данные, даже учитывая значимую погрешность, демонстрируют существующие устойчивые приоритеты при распространении информации пользователями, при которых предпочтение отдается политиче-

для новостных ресурсов – 6,4 и 3,5 раза (для обычной и политизированной аудитории), аналогичным образом для политических сообществ – 11,2 и 1,5 раза, для информации от других пользователей – 6,9 и 9,8 раза (смотри Таблицу 1).

Таблица 1. Отношение проактивных пользователей к общей аудитории при распространении информации из различных источников

	Новостные ресурсы		Политические сообщества		Информация от пользователей	
	Обычная аудитория	Политизированная аудитория	Обычная аудитория	Политизированная аудитория	Обычная аудитория	Политизированная аудитория
М 16-23	1 к 6,3	1 к 4,3	1 к 25,0	1 к 1,1	1 к 8,3	1 к 25,0
Ж 16-23	0,0	1 к 6,3	1 к 8,3	1 к 1,9	1 к 12,5	1 к 6,3
М 24-32	1 к 2,8	1 к 2,6	1 к 2,5	1 к 2,0	1 к 3,3	1 к 12,0
Ж 24-32	1 к 12,5	1 к 2,9	1 к 12,5	1 к 1,2	1 к 0,0	1 к 4,3
М 35-45	1 к 7,5	1 к 2,8	1 к 4,4	1 к 1,4	1 к 3,2	1 к 6,3
Ж 35-45	1 к 9,1	1 к 2,3	1 к 14,3	1 к 1,4	1 к 14,3	1 к 4,9
Ср. значение	1 к 6,4	1 к 3,5	1 к 11,2	1 к 1,5	1 к 6,9	1 к 9,8

Источник: *ВКонтакте* [1] и подсчеты автора.

ским сообществам и новостным ресурсам, лишь только в минимальном выражении – межличностной публичной коммуникации в виде цитирования заметок других пользователей. С другой стороны, молодежная аудитория проявляет относительно политическую информационную

Другими словами, интерес пользователей социальных сетей и их участие в распространении информации весьма ограничено и характерно преимущественно для политизированной части аудитории. При этом существенно, что отмеченная слабость межличностного канала распространения

ния политической или общественно значимой информации характерна для всех сегментов аудитории.

Полученные данные позволяют заключить, что потенциальные возможности социальных сетей по распространению политической информации через множественные связи пользователей, что обуславливает частую высокую оценку акторности социальной сети в процессе протестной мобилизации, не подтверждаются существующей практикой поведения российских пользователей. Потенциал формирования коллективного сознания социальной сети через общую включенность в проблемную повестку оказывается на проверку слабореализуемым в силу структурирования информационного взаимодействия с аудиторией организованными политическими сообществами, которые выполняют функции СМИ. Подобная ситуация во многом связана с преобладанием небольшого числа создателей информации и формированием вокруг них аудитории. С другой стороны, в таких условиях происходит естественное объединение политически мотивированных и заинтересованных пользователей вокруг соответствующих источников информации в социальной сети. В обоих случаях происходит повышение барьеров для распространения создаваемых сообщений за исключением, пожалуй, развлекательных форм их подачи (юмор и пр.) или практических, деловых советов.

Подобные выводы подтверждаются исследованием, посвященным анализу распространения востребованного широкой аудиторией контента (программы, музыка, видео) [9]. Объяснение подобного сегментирования и избирательного поведения аудитории в отношении информации опирается на дополнительные серьезные основания.

Во-первых, даже в случае открытого характера социальных сетей у многих пользователей сохраняется основанная на избирательном доверии модель поведения, которая ограничивает информацию определенным кругом источников. Как показывает исследование медиадоверия в российском сегменте Интернет, существует достаточно универсальная зависимость «вида информации и силы взаимосвязи доверия к информации с медиадоверием», которая в интересующем нас случае может быть определена через утверждение, что в ситуации «возникновения доверия к информации важнее доверие к интернет-журналу, чем доверие к интернет-журналисту» [3, с. 504]. Как отмечает исследовательница, это объясняется тем фактом, что в случае журнала источник информации рассматривается как продукт множества специалистов, «масштабная организованная система», что повышает его надежность в глазах аудитории, хотя присутствуют исключения в случае, если журналист известное медийное лицо» [3, с. 504-505]. Данные выводы в отношении характера восприятия информации подтверждаются приведенными данными о высоком уровне цитирования политических сообществ, которые обладают рядом указанных характеристик, повышающих доверие: восприятие источника информации как части системной работы, организации. В этом отношении весьма характерна практика цитирования информации из сервиса Livejournal, авторами которого часто являются известные медийные персоны (политические деятели, бизнесмены, блогеры). С другой стороны, имеет место феномен цитирования публикаций с данного ресурса в социальных сетях, но не наоборот.

Во-вторых, возможно, еще более значимым фактором распространения информации и формирования устойчивых аудиторий является техническая реализация современных социальных сетей, связанная с адаптивным поиском информации под характеристики отдельного пользователя. Использование в последние 5 лет в программном коде социальных сетей алгоритмов выдачи информации, основанных на принципе социального графа, приводит к автоматической фильтрации сообщений ленты, исходя из заявленных предпочтений или поведения пользователя, а также интерес его друзей в социальное сети [21]. Хотя подобное решение ориентировано на получение пользовательских преимуществ и создание дополнительных каналов маркетингового продвижения товаров и услуг, результатом это имеет снижение дисперсии информации в социальной сети через фрагментацию аудитории.

Таким образом, выводы проведенных исследований и рассмотренные доводы указывают нам на существующие в настоящий момент ограничения при использовании социальных сетей как самообеспечивающего ресурса политической мобилизации. Это ставит закономерный вопрос о значении зафиксированного активного использования социальных сервисов в ходе событий «арабской весны» и в протестах движения Оссиду. Проведенный сравнительный анализ информационных потоков в Интернет и их источников в ходе политических революций в Тунисе и Египте демонстрирует, с одной стороны, что основными информационными акторами были активисты, журналисты и блогеры, включая ресурсы онлайн-трансляции [18, с. 1385-1393]. С другой стороны, как показывает исследование К. Вилсона и А. Данн [22] по анализу основных источников информации в Египте и их аудитории среди протестующих, социальные сети не играли столь значимой роли в протестной мобилизации, создавая, скорее, эффект международного вовлечения в революционный процесс, известный во многих случаях революций и до этого (например, свержение Ф. Маркоса на Филиппинах в 1986 г., политическая революция на Украине 2004 года). При этом структура используемых медиа оказалась различной у обычной аудитории и протестующих, которые действительно гораздо чаще использовали сервисы социальных сетей в силу возможности выхода на релевантную им аудиторию и простого удобства. Тем не менее ключевыми информационными каналами мобилизации остались телефон и личная коммуникация, хотя сеть Facebook оказались способна выполнять функции мобилизации, пусть и в меньшей степени [22, с. 1254-1259]. Возвращаясь к озвученному ранее выводу Д. Юриса, в случае движения Оссиду мы можем зафиксировать еще более тесную связь использования социальных сетей в ходе протестной мобилизации, что все же оставляет вопрос о принципиальном наличии скрытого мобилизационного потенциала социальных сетей.

В целом вышеуказанные данные и результаты исследований позволяют оценивать влияние социальных сетей на процесс протестной мобилизации в категории во многом случайного и нелинейного эффекта. Представляется, что более обоснованной является оценка влияния социальных сетей в контексте текущих исторических особенностей массовой протестной мобилизации, которая может быть охарактеризована в терминах волновой динамики. В отличие от модели

мобилизации, в основе которой стоит деятельность организованных общественных движений классического типа, модель протестной волны предполагает мультикоалиционность, широкое вовлечение общественных групп, отсутствие четкого организационного ядра на фоне высокого уровня неопределенности и влияния обстоятельств, которые расширяют или ограничивают протест на всем его протяжении [12, с. 65-66]. Очевидная слабость организационной составляющей при таком характере мобилизации ведет к усилению роли спонтанных акций, самоорганизации и включению неформальных каналов коммуникации. В этом отношении социальные сети потенциально в большей степени адаптированы именно под подобный характер протестов, будучи способны обеспечивать альтернативное пространство прямого действия через кросс-территориальное коллективное участие в выдвижении требований и формулировании протестной повестки, как и информирование о ней.

С другой стороны, примеры спонтанной массовой протестной мобилизации с использованием социальных сетей позволяют зафиксировать, что обращение к подобным информационным сервисам не предшествовало, а сопровождало протесту, что позволяет скорректировать оценку их потенциальной роли. Их возможности в большей степени связаны с процессом проблематизации, изменением ее масштаба, информированием и формированием сети доверия среди политических активистов и симпатизантов. В этом отношении теоретическую способность социальных сетей к быстрому информированию и вовлечению в протест имеет смысл обоснованно рассматривать лишь в контексте другого важнейшего явления, к формированию которого они могут не иметь прямого отношения – исключительного события. Подобное событие исполняет роль триггера, запуская процесс эскалации и вовлечения в конфликт. Этим событием может быть резонансная гибель человека (самосожжение торговца Мохаммед Буазизи в Тунисе), применение излишней силы органами правопорядка (разгон студенческой демонстрации «Беркутом» в Киеве), публичное заявление или решение органов государственной власти (решение о застройке парка Таксим-Гези в Стамбуле), столкновение с проявлением несправедливости и ущемлением прав (локальные выступления по городской проблематике: защита парков, скверов и др.). В случае определения потенциала социальных сетей речь идет об их способности найти и вывести подобное событие в качестве ключевого элемента публичной повестки, объекта общего переживания.

Академические теории революций первого поколения в 1920-1930-х годах выработали концепцию «естественной истории революций», обратив внимание на особенности общественного сознания в предреволюционной ситуации. Один наиболее известных исследователей данного направления – К. Бринтон – отмечает, что самому революционному кризису предшествует ситуация, когда растет осознание общественных противоречий, гнев и общее раздражение действительностью, революция как бы ощущается в воздухе как неизбежный финал [10, с. 66]. Схожее описание ситуации перед массовым протестом можно найти у множества авторов в работах разного периода. Операционализировать же соответствующее подобным интуитивным ощущениям состояние общественного сознания можно через выделение ряда его ключевых характеристик: наличие общей проблем-

ной повестки для значимых общественных групп, высокий уровень политизации данной проблемной повестки, высокий уровень социального гнева (желаемое решение проблем через силу), высокое психо-эмоциональное вовлечение в проблемную повестку (готовность к ответной реакции). Конечной особенностью является восприятие проблемы как крайне острой и глубоко личной.

В подобном подходе, однако, остаются сложно решаемые проблемы определения ситуаций, которые способны приводить к спонтанной протестной мобилизации, а также нахождения релевантной ей проблемной повестки, обеспечивающей достаточное внимание общественных групп и их эмоциональное напряжение. С одной стороны, вероятно, данные ситуации возникают в ходе стечения условий и не являются детерминированными, особенно в случае их значительного, революционного масштаба. В этом отношении близкая социально-психологическая интерпретация политических протестов через феномен относительной депривации в подходе Т. Гарра [2] не случайно обнаруживает неспособность объяснить отсутствие волнений у малообеспеченных слоев населения в условиях затяжных кризисов, падения уровня жизни. В нашей интерпретации как раз первоначальное столкновение готовых к протесту групп населения с острым негативным опытом лишений может иметь в большей степени мобилизационный эффект.

С другой стороны, в случае с проблемной повесткой имеет место дилемма ее оценки. Часто могут присутствовать ситуации, когда соответствующие проблемы осознаются, но не актуализируются в протестное поведение, хотя могут фиксироваться на уровне опросов общественного мнения и публичного дискурса. Здесь возможной интерпретацией является то, что характерные спонтанным массовым протестам изменения в общественном сознании и публичном дискурсе носят именно трансгрессивный характер, выходя за пределы рамок личного и группового согласия, создавая эффекты поляризации, клеймления, сертификации и изменения масштаба, формирующий фрейм нестабильного и конфликтного взаимодействия. Иными словами, подобные изменения в сознании обладают чертами «трансгрессивного воображения» или «хождения по краю», что отмечают исследователи криминальной психологии и нарушений общественных норм [19, с. 2-9]. Подобное сравнение не должно вводить в заблуждение, поскольку трансгрессия и связанное с ней разрушение норм относится всецело и к общественным инновациям, обеспечивающим возможность исторического прогресса.

Потенциал социальных сетей в данном случае может рассматриваться в отношении динамических характеристик, обеспечивающих мобилизацию в ходе волны протестов. Представляется, что в данном случае теория ресурсной мобилизации (Д. Маккарти и М. Зальда, Ч. Тилли) не является столь продуктивной, как подход Р. Коопманса, хорошо согласующий предлагаемую концептуализацию с фактическими данными многих известных случаев спонтанной мобилизации. Как отмечает исследователь, даже отсутствие ресурсных возможностей у акторов далеко не всегда является причиной спада протестной волны. Выводом его анализа является заключение, что снижение динамики протестной мобилизации, скорее, свидетельствует о стабилизации отношений акторов между собой или другими (потенциальными)

участниками, когда предпринятые действия больше не нарушают равновесие и закрывают возможности для развития процесса политической поляризации и вовлечения в него новых групп [17, с. 40–41]. Другими словами, движущей силой спонтанных и слабо организованных протестов является их способность нарушать равновесие в оценке и реакции на ситуацию существующих общественных групп и организованных политических акторов, создавать привлекательную для вовлечения новых участников публичную повестку требований, делать невозможным использование рутинных средств нормализации ситуации и применение репрессий против участников выступлений.

В этом отношении фиксируемые особенности социальных сетей позволяют напрямую объединять их пользователей непосредственно с событием-инцидентом, не только информируя, но и давая его восприятие на разном, в том числе и личном уровне. С другой стороны, фиксируясь на одной проблемной повестке или событии социальные сети способны создать информационный поток с обратной связью, включая в него очевидцев, сообщений СМИ, фото и видео. В конечном итоге вовлечение участника в процесс протестной мобилизации может быть обеспечено через информирование сети его контактов в социальной сети, формируя из соответствующей части аудитории, пусть и весьма ограниченной, круг возможных симпатизантов или участников протеста.

По итогам изучения поставленной проблемы можно сделать следующие выводы относительно возможного влияния российских социальных сетей на процесс протестной мобилизации. Во-первых, текущее поведение российских пользователей социальных сетей в отношении политической информации характеризуется ограниченной восприимчивостью к ней аудитории, при этом распространение подобной информации связано не с пользовательской активностью непосредственно, а преимущественно с публикационной активностью сетевых сообществ, являющихся аналогом СМИ. Во-вторых, низкий характер политизации молодежной аудитории, по сравнению старшими поколениями, позволяет говорить о достаточно низком влиянии социальных сетей на идейно-политические предпочтения групп молодежи (школьники старших классов, студенты), а также о потенциально невысоком уровне их вовлечения в массовый протест, без учета изначально политизированных групп, которые имеют тенденцию информационно обособляться.

Анализ современных практик протестной мобилизации позволяет отметить их преимущественно слабоорганизованный характер, что делает протест зависимым от характера акций, обстоятельств и их позиционирования в публичном пространстве. В этом отношении социальные сети в России, как и во многом и в странах с высоким уровнем проникновения Интернета, могут выполнять в большей степени ин-

струментальную роль при информировании и привлечении граждан к проблеме, обеспечивая акциям пространство публичности, в том числе осуществляя трансфер информации «снизу» на уровень крупных СМИ. С точки зрения вовлечения в протест, социальные сети обладают значимыми ограничениями, поскольку выполняют роль дополнительного канала мобилизации.

Проведенный анализ практик и возможностей социальных сетей по массовому вовлечению широких групп населения в протест позволяет заключить, что эффективность реализации их потенциала связана с наличием достаточно специфических обстоятельств. Во-первых, с возникновением нестандартного события трансгрессивного характера для значимых общественных групп, вызывающего первичную низовую протестную мобилизацию. Во-вторых, с наличием актуализированного недовольства как на локальном уровне, так и на уровне широких общественных групп. В-третьих, с концентрацией информационного потока в социальных сетях на данном событии и с персональным вовлечением в него активных пользователей социальных сетей с широкой сетью персональных контактов. В этом случае социальная сеть потенциально способна обеспечить быстрое распространение и синхронизацию протестной повестки, формирование общих протестных фреймов и культуры общественного сопротивления.

Однако крайне важно отметить, что современные волны протестной мобилизации при отсутствии организационной составляющей имеют тенденцию идти на спад в кратко- и среднесрочной перспективе, а возникновение необходимых исключительных событий является слабопрогнозируемым, что делает возможности социальных сетей в процессе протестной мобилизации краткосрочными и неопределенными в своей конечной результативности. С другой стороны, необходимо отметить, что хотя широкое и успешное использование социальных сетей в ходе протестных акций и способно обеспечивать мобилизационный эффект, однако оно же создает дополнительные ограничения для формирования организованных общественных движений или обеспечения протестной мобилизации на регулярной основе в средне- и долгосрочной перспективе. Это связано с фрагментацией аудиторией участников и симпатизантов, размыванием первоначальной протестной повестки, обратным переводом протестных действий из физического пространства в дискурсивное. Вместе с тем данные выводы несут во многом концептуальный характер и требуют проверки в рамках дополнительных исследований. В этом отношении социальные сети уже в настоящее время обеспечивают эмпирическую возможность проведения исследований случаев, которые связаны с возникновением событий трансгрессивного характера и соответствующей им спонтанной протестной мобилизации на локальном уровне.

Библиография:

1. ВКонтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vk.com (дата обращения: 21.10.2014).
2. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – Питер, 2005. – 461 с.
3. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсияновой. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.
4. Курочкин А. В. Становление сетевой модели политико-административного управления в условиях современного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 2. С. 115–123.
5. Курочкин А. В. Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. С. 113–117.

6. Паркер Н. Параллаксы: революции и «революция» в глобальном представлении // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. – СПб. : Алетейя, 2008. – С. 163-184.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М. : ГРАНД, 2006. – 416 с.
8. Aouragh M., Alexander A. The egyptian experience: Sense and nonsense of the internet revolution // International Journal of communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1344-1358.
9. Bakshy E., Karrer B., Adamic L. A. Social influence and the diffusion of user-created content // Proceedings of the 10th ACM conference on Electronic commerce. – ACM, 2009. – P. 325-334.
10. Brinton C. The Anatomy of Revolution: -Rev. and Expanded Ed. – Vintage, 1965. – 310 p.
11. Cyberprotest: New media, citizens and social movements / ed. by W. Van De Donk et al. – Routledge, 2004. – 316 p.
12. Dynamics of Contention / ed. by D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 387 p.
13. Froehling O. The cyberspace «war of ink and internet» in Chiapas, Mexico // Geographical Review. – 1997. – Т. 87. – №. 2. – P. 291-307.
14. New media, campaigning and the 2008 Facebook election / ed. by T. J. Johnson et al. – Routledge, 2013. – 130 p.
15. Juris J. S. Reflections on # Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation // American Ethnologist. – 2012. – Т. 39. – №. 2. – P. 259-279.
16. Kahn R., Kellner D. New media and internet activism: From the 'Battle of Seattle' to blogging // New media & society. – 2004. – Т. 6. – №. 1. – P. 87-95.
17. Koopmans R. Protest in Time and Space: The Evolution of Waves of Contention // The Blackwell Companion to Social Movements / ed. by D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi. Oxford: Blackwell, 2004. – P. 19-46.
18. Lotan G. et al. The revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // International Journal of Communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1375-1405.
19. O'Neill M., Seal L. Transgressive imaginations: Crime, deviance and culture. – Palgrave Macmillan, 2012. – 187 p.
20. Routledge handbook of Internet politics / ed. by A. Chadwick, P. N. Howard– Taylor & Francis, 2010. – 512 p.
21. Ugander J. et al. The anatomy of the facebook social graph // arXiv preprint arXiv:1111.4503. – 2011. – P. 1-17.
22. Wilson C., Dunn A. Digital Media in the Egyptian Revolution: Descriptive Analysis from the Tahrir Data Set // International Journal of Communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1248-1272.
23. Wray S. On electronic civil disobedience // Peace Review. – 1999. – Т. 11. – №. 1. – P. 107-111.

References (transliterated):

1. Garr T. R. Pochemu lyudi buntuyut. – Piter, 2005. – 461 с.
2. Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva / otv. red. A. B. Kupreichenko, I. V. Mersiyanova. – М. : Izdatel'skii dom NIU VShE, 2013. – 564 с.
3. Kurochkin A. V. Stanovlenie setevoi modeli politiko-administrativnogo upravleniya v usloviyakh sovremennogo obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. № 2. S. 115-123.
4. Kurochkin A. V. Politika v usloviyakh setevogo obshchestva: novaya struktura i sodержanie // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 3. S. 113-117.
5. Parker N. Parallaxsy: revolyutsii i «revolyutsiya» v global'nom predstavlenii // Kontsept «Revolyutsiya» v sovremennom politicheskom diskurse / pod red. L. E. Blyakhera, B. V. Mezhueva, A. V. Pavlova. – SPb. : Aleiteya, 2008. – С. 163-184.
6. Reingol'd G. Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya. – М. : GRAND, 2006. – 416 с.
7. Aouragh M., Alexander A. The egyptian experience: Sense and nonsense of the internet revolution // International Journal of communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1344-1358.
8. Bakshy E., Karrer B., Adamic L. A. Social influence and the diffusion of user-created content // Proceedings of the 10th ACM conference on Electronic commerce. – ACM, 2009. – P. 325-334.
9. Brinton C. The Anatomy of Revolution: -Rev. and Expanded Ed. – Vintage, 1965. – 310 p.
10. Cyberprotest: New media, citizens and social movements / ed. by W. Van De Donk et al. – Routledge, 2004. – 316 p.
11. Froehling O. The cyberspace «war of ink and internet» in Chiapas, Mexico // Geographical Review. – 1997. – Т. 87. – №. 2. – P. 291-307.
12. Juris J. S. Reflections on # Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation // American Ethnologist. – 2012. – Т. 39. – №. 2. – P. 259-279.
13. Kahn R., Kellner D. New media and internet activism: From the 'Battle of Seattle' to blogging // New media & society. – 2004. – Т. 6. – №. 1. – P. 87-95.
14. Koopmans R. Protest in Time and Space: The Evolution of Waves of Contention // The Blackwell Companion to Social Movements / ed. by D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi. Oxford: Blackwell, 2004. – P. 19-46.
15. Lotan G. et al. The revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // International Journal of Communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1375-1405.
16. O'Neill M., Seal L. Transgressive imaginations: Crime, deviance and culture. – Palgrave Macmillan, 2012. – 187 p.
17. Ugander J. et al. The anatomy of the facebook social graph // arXiv preprint arXiv:1111.4503. – 2011. – P. 1-17.
18. Wilson C., Dunn A. Digital Media in the Egyptian Revolution: Descriptive Analysis from the Tahrir Data Set // International Journal of Communication. – 2011. – Т. 5. – P. 1248-1272.
19. Wray S. On electronic civil disobedience // Peace Review. – 1999. – Т. 11. – №. 1. – P. 107-111.